

УДК 39

DOI: 10.18101/2306-630X-2018-1-64-74

**О РОЛИ ПРИРОДНОГО ФАКТОРА
В ПРОЦЕССЕ ЭТНОГЕНЕЗА**

© Лагойда Наталья Григорьевна

кандидат философских наук, доцент,

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: aspdep08@mail.ru

В статье анализируется вопрос взаимовлияния этносов и природы, природной среды и космической среды на процесс этногенеза на основе социально-философской концепции этногенеза, разработанной Л. Н. Гумилевым. Анализируется тезис о том, что этносы рождаются и развиваются не только под воздействием земных факторов, но и под влиянием космической энергии. В концепции предлагается использовать методы современной научной географии для изучения локальных особенностей антропогенных биоценозов, микромутаций, изменяющих поведенческие признаки человека, и сукцессий, связанных с миграционными процессами. Изучена связь между фазами развития и взаимодействия, в которых находится этнос и окружающая его природа. Безнравственное отношение к природе последовательно связывается со снижением уровня пассионарности этнической системы.

Ключевые слова: этнос; природный ландшафт; космическая среда; природная среда; этногенез; фазы; этногенез; пассионарность; пассионарный толчок; биосфера; география.

Концепция этногенеза Л. Н. Гумилева посвящена проблеме возникновения этносов. На основе биогенетических исследований природы этносов и процесса этногенеза автор описывает естественнонаучный механизм возникновения и функционирования народов. Важнейшее место в данной концепции занимает вопрос о взаимовлиянии этносов и природы. Гумилев исследует динамику движения народов, которые в поисках своей исторической и экологической ниши вступают в конфликт с окружающей средой.

Выдвинутая идея о связи этноса не только с социумом, но и с природными и космическими факторами, оказалась более чем актуальной. Ученым была предпринята смелая попытка представить этносы прежде всего как способы приспособления к природной среде. В развиваемой концепции он стал рассматривать процесс этногенеза как историю антропогенных ландшафтов, то есть историю взаимодействия техники и природы через особый механизм, называемый им «этносом». В своих работах ученый стал настойчиво, с привлечением фактических данных, утверждать о большей, чем прежде, необходимости учитывать природную среду обитания в антропогенезе, о том, что человек «как крупный хищник ... подвластен эволюции природы» [1, с. 40]. В итоге исследователь приходит к важному (хотя и не новому) выводу, согласно которому этносы всегда связаны с природным окружением, с ландшафтом.

В то же время Гумилев не ограничивался положением, что этнос — субстанция биосферы, а старался на фактах показать, что ландшафт и есть «главный плавильный котел», который (как говорили древние китайские философы) формирует сам народ. Иначе говоря, любое проявление этноса, по Гумилеву, является

ся результатом формообразующей деятельности природного ландшафта. Согласно логике ученого, природность этноса обуславливает и природный характер этногенеза.

Такова в самых общих чертах оригинальная позиция Гумилева по вопросу о роли природного фактора в развитии этносов, процессе этногенеза. Подчеркивая ведущую роль географической среды в жизни сообществ людей, ученый фактически выступил против марксистского положения об определяющей роли способа производства в развитии общества, хотя вынужден был это делать завуалировано, скрывая свой фактический отход от исторического материализма.

Гумилев также неоднократно подчеркивал в своих работах, что этносы рождаются и развиваются не только под воздействием земных факторов, но и под влиянием космической энергии. Он говорил: «Поверхность Земли — наш родной дом — открыта черной бездне Космоса и ее воздействиям. И это отнюдь не мистика, а география» [2, с. 399]. Ученый представлял себе поверхность Земли как экран, на который падают космические лучи, большая часть последних задерживается ионосферой, но иные достигают поверхности Земли. По мнению автора концепции этногенеза, лишь некоторые из этих космических импульсов обладают мутагенными свойствами, в результате чего в облученных ареалах появляются мутанты [2, с. 406]. Так, в результате мутации или пассионарного толчка появляются пассионарии. Гумилев заостряет внимание именно на явлении пассионарного толчка, ибо, по его мнению, «только оно указывает на космический характер (внешний по отношению к Земле) причины пускового момента этногенеза» [2, с. 403]. Пассионарность не возникает от тех или иных ландшафтных условий, она возникает как новый признак, то есть при изменении генотипа в результате мутации под действием космического излучения.

В связи со сказанным возникает вопрос: если, по утверждению Гумилева, космическая энергия, обеспечивающая старт и ход этногенеза, является по своей сути биогеохимической, то почему производит мутационные изменения только в природе человека? Если импульс, являющийся внепланетным по своему происхождению, биогеохимичен, то есть распространяется на все живое на Земле, то он не должен отличать человека от других существ. И в таком случае мутировать должны все организмы, находящиеся в зоне пассионарного облучения. Следовательно, согласно этому процессу, должны иметь место синхронные результаты мутационных изменений как среди растений, так и среди животных. Однако сам Гумилев нигде не указывал, что тому или иному пассионарному толчку соответствовали бы адекватные мутационные изменения среди растений и животных.

Разрабатывая концепцию этногенеза, Гумилев предполагал взаимодействие нескольких факторов, влияющих на развитие этноса: космических аномалий в планетных и космических явлениях, биохимической энергии живого вещества, активности человеческой психики и ритмичности этнических процессов. Влияние природы на этническую систему автор концепции этногенеза видит во внешнем воздействии на этнос из Космоса, в пассионарном толчке, на котором и основывается его естественнонаучная концепция.

Продолжая анализ проблемы взаимодействия общества и природы, напомним, что человек, как известно, существо не только биологическое, но и общественное, социальное. Люди взаимодействуют с природой не в одиночку, а будучи объединенными в определенные коллективы, группы или общности, одним

из наиболее древних среди которых являются этносы. По этой причине между этнографией (наукой, изучающей происхождение народов, их культуру, быт и другие особенности, а также процессы изменения самих этносов) и географией (наукой, исследующей природную среду обитания человечества, а также особенности территориального размещения людей на поверхности Земли и их хозяйства) издавна существовали тесные связи [3]. В течение долгого времени эти науки развивались слитно, образуя единую, еще не расчленившуюся науку, которую можно условно назвать «природонародоведением» [4, с. 6]. Нередко к этому союзу присоединялась и физическая антропология как наука о физических особенностях человека. Когда же (примерно с середины XIX в.) они стали обособляться в самостоятельные науки, между ними сохранилось много общего.

О роли географии в изучении этногенеза Гумилев высказывался так: «...География (за исключением, пожалуй, экономической), а, следовательно, и входящая в нее этнология — наука естественная... Значит, изучая этногенез, исследователь применяет методы географии» [1, с. 175]. Он предлагал использовать методы современной научной географии для изучения локальных особенностей антропогенных биоценозов, микромутаций, изменяющих поведенческие признаки человека, и сукцессий, связанных с миграционными процессами. Ученый аргументировал это тем, что «любой непосредственно наблюдаемый процесс этногенеза имеет наряду с социальным природный аспект» [1, с. 176]. Поэтому изучать этногенезы нужно во взаимодействии с природной средой с помощью естественных наук.

С учетом сказанного проанализируем более подробно влияние географической среды на развитие этносов в концепции Гумилева. Как известно, термин «географическая среда» был введен в научный оборот известными географами Э. Реклю и Л. М. Мечниковым, которые понимали под ним ту часть земной природы, которая непосредственно вовлечена в сферу жизни общества. В дальнейшем в литературе данный термин употребляется неоднозначно и вокруг него происходили дискуссии.

В настоящее время в связи с активным освоением космоса и проникновением человека в его глубины, точнее было бы говорить о природной среде общества, выходящей за пределы земной и околоземной сферы. Но поскольку влияние космической среды на этносы и этногенезы народов были уже рассмотрены выше, то теперь важно выяснить, каково влияние той части природы, которая для этноса является непосредственной естественной основой существования и развития, то есть географической среды.

По Гумилеву, этносы всегда связаны с природными и географическими условиями. «Только через этнические коллективы осуществляется связь человечества с природой, так как сам этнос — явление природы», — утверждал ученый [1, с. 174]. Хозяйственная деятельность этносов по отношению к географической среде проявляется, по его мнению, в двух направлениях: «приспособление себя к ландшафту и ландшафта к себе» [1, с. 58]. В соответствии с этим ученый предлагал взять в качестве основных объектов исследования — ландшафт и взаимодействующий с ним этнос. Однако, как нам кажется, в вопросе о соотношении биогеографических и этнологических категорий нельзя ограничиться только этносом и ландшафтом, как это сделал Гумилев.

Поскольку в 1940–1950-х гг. (в период первых выступлений в науке Гумилева) в советской литературе (главным образом по философии) не проводилось различий между понятиями «географическая среда» и «природная среда», всякие попытки исследователей рассматривать природу как детерминирующий фактор по отношению к обществу, квалифицировались как отступления от марксизма и «сползание» на позиции географического детерминизма. Не избежал соответствующих обвинений, даже критических «разносов» и Гумилев, поскольку в своей концепции он не двусмысленно стал писать и говорить об определяющей роли природного фактора по отношению к этносам и этногенезу в целом.

В связи со сказанным необходимо отметить, что сложившееся в науке и скорректированное в 1980–1990-х гг. критическое отношение к концепции географического детерминизма отнюдь не отрицает существенного воздействия географической среды на развитие общества. И как бы ни оценивались сегодня теории, относящиеся к направлению географического детерминизма (в том числе теория Гумилева), несомненно, что исследования в данной области способствовали привлечению внимания ученых к осмыслению весьма важной и значительной роли окружающей среды в развитии человечества. Гумилев по этому поводу писал: «...“Географический нигилизм”, вообще отрицающий значение географической среды для истории этноса, не лучше, чем сам географический детерминизм» [1, с. 171]. Вместе с тем ученый считал, что нужно более четко определить компетенцию физической географии в этнической истории, а не упрекать голословно в географическом детерминизме.

В последнее время за рубежом и в нашей стране психологи, этнографы, биологи проводят широкие наблюдения, доказывающие бесспорное влияние природы на поведение, психику отдельных людей, даже целых этнических групп. Анализируя историю развития различных стран и этнические особенности их народов (что успешно, но в непрерывной борьбе делал в своих исследованиях Гумилев), нельзя не отметить их очевидной зависимости от тех или иных природных и климатических условий. Это говорит о том, что влияние географического фактора на развитие этнических особенностей населения в настоящее время обрело значение методологического требования и должно всегда учитываться в соответствующих исследованиях.

Рассуждая о том, как влияет географическая среда на жизнедеятельность того или иного этноса, необходимо помнить, что взаимодействие человека с природой у каждого конкретного этноса имеет свои особенности, проявляющиеся в самых различных сферах.

Сравнивая взгляды Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева по данной проблеме, можно сказать, что если первый связывал своеобразие каждого этноса с его хозяйственной деятельностью, средствами жизни и труда, то второй объяснял этническое разнообразие с помощью адаптации групп людей в разных ландшафтах. Согласно его выводам, в неодинаковых климатических условиях географической среды образуются разные этносы и различные культурные традиции. Так, по мнению ученого, в географических условиях проявляется этническое многообразие. «Все народы Земли, — писал Гумилев, — живут в ландшафтах за счет природы» [1, с. 172]. Ландшафты нашей планеты очень разнообразны, поэтому и разнообразны народы, населяющие их, считал он. Как бы сильно люди не видоизменяли ландшафт (путем создания антропогенного рельефа или реконструкции

флоры и фауны), им приходится кормиться тем, что может дать природа на той территории, которую заселяет этнос.

Предки современных людей в силу своей малочисленности, разделяющих их расстояний и природных преград (моря, горы, пустыни, большие реки и т.д.), для того времени непреодолимых, заселяли земную поверхность неравномерно, в виде более или менее изолированных групп [5, 6]. В процессе адаптации к данной местности путем проб и ошибок у каждого этноса, наряду с общечеловеческими, связанными с общими закономерностями развития, вырабатывались специфические стереотипные навыки природопользования, а также формы мышления, поведения и другие традиции, свойственные лишь данному этносу. При этом если бы все этносы на Земле возникли в одно и то же время и развивались с одинаковой скоростью, каждый этап или способ эксплуатации природы не являлся бы этническим признаком, то есть выделяющим какой-то этнос, а был бы общим признаком для любого этноса.

Примером одного из способов эксплуатации природы на определенном этапе развития этноса может быть охота. Она свойственна практически всем народам. Но охотились люди только на животных, обитавших в данной местности, поэтому у разных охотничьих коллективов вырабатывались свои особые навыки, связанные с особенностями поведения и экологии животных, являвшихся объектом охоты в их районе. С теми же животными были связаны фольклорные сюжеты, многие мировоззренческие и религиозные представления. Одежда и технология ее изготовления зависели от местного климата, а также от особенностей материала, из которого она изготовлена. Характер местных материалов во многом определял свойства и форму жилищ, орудий и т. д. Наконец, с окружающими условиями (рельефом местности, климатом, ресурсами и пр.) был связан в значительной мере и язык группы, особенно его лексика.

Природоохранные, трудовые и другие традиции жизнеобеспечения этноса передавались в процессе обучения младшим поколениям и закреплялись в их сознании опытом повседневной деятельности: следование традициям удовлетворяло все их потребности. Поэтому, считал Гумилев, традиции были тем сильнее, чем дольше жила группа в данных условиях. Постепенно они превращались в автоматическое соблюдение правил, принятых в данной этнической группе для подчинения младших поколений старшим — как знатокам традиций. Заметим, что хотя Гумилев был согласен с выводом о том, что разница этнопсихологических стереотипов довольно жестко определяется климатом, рельефом, флорой и фауной, но, на его взгляд, этнопсихологический склад с течением времени меняется. Соответственно этому один и тот же этнос в разные фазы своего этногенеза ведет хозяйство разными способами, а тем самым по-разному влияет на вмещающий ландшафт [1, с. 356].

Местность, в которой проживает тот или иной этнос, воспринимается его членами как «своя», знакомая и понятная. Напротив, всякая незнакомая местность, особенно отличающаяся ландшафтом, климатом, ресурсами и т. д., была им непонятной, а значит — опасной. Таким образом, в различных местах планеты разными народами исторически накапливался значительный опыт природопользования, который, так или иначе, отражался в стереотипах поведения людей. Это делало взаимоотношения этносов, долго живущих на данной территории, более равновесными с ее природными условиями. Поэтому, если этнос долго

жил на данной территории, он обычно наиболее оптимально адаптировался к ней, сохраняя традиции природопользования, не нарушал природного равновесия.

С ростом численности этносов эксплуатация природы постепенно распространялась по всей «своей» территории в том же виде. Когда же вся территория была освоена (тем быстрее, чем меньше территория), дальнейший рост населения увеличивал его плотность, а, следовательно, и «давление» на природу территории. Необходимые для жизни ресурсы не успевали восстанавливаться, что порождало недостаток средств существования, накапливались отработанные и использованные продукты жизнедеятельности. По этим причинам этнос, как правило, менял окружающую среду, ибо жить на данной территории по старому стереотипу поведения становилось все труднее и труднее.

Таким образом, ландшафты, населенные различными народами, не остаются неизменными. Они так же, как и этносы, имеют свою динамику развития, то есть свою историю. Ландшафты иногда могут измениться очень сильно под воздействием различных факторов, среди которых Гумилев выделял следующие: воздействие человека, изменение климата, неотектонические процессы, эпидемии и т. д. [1, с. 172]. Людям в таком случае приходилось либо приспосабливаться к новым условиям жизни, либо вымереть, либо переселяться на новые территории.

Так мы подошли к еще одной важной проблеме, рассматривавшейся Гумилевым в его концепции, — проблеме миграций. По этому поводу ученый рассуждал: «Крупная миграция — это явление не только историческое, но и географическое, ибо оно связано с некоторой перестройкой антропогенного ландшафта» [1, с. 173]. Причиной миграций, считал Гумилев, могут быть не только модификации ландшафтов, но и демографические взрывы, и общественные толчки. Но в любом случае переселенцы ищут условия для жизни, подобные тем, к которым они привыкли у себя на родине. К примеру, те же русские землепроходцы в XVII в. прошли сквозь всю Сибирь, но заселяли только лесостепную окраину тайги и берега рек, то есть ландшафты, сходные с теми, где сложились как этнос их предки. Переселение народов в привычные условия — это стремление сохранить себя как этническую систему и уберечь от разрушения «кормящий ландшафт».

Для понимания процессов взаимодействия природы и этноса необходимо обратить внимание еще на одно очень важное для автора концепции положение — об «этнических полях». Гумилев так определял данное явление: «Этническое поле, то есть феномен этноса как таковой, не сосредотачивается в телах ребенка и матери, а проявляется между ними. Ребенок, установивший связь с матерью первым криком и первым глотком молока, входит в ее этническое поле. Пребывание в нем формирует его собственное этническое поле, которое потом лишь модифицируется вследствие общения с отцом, родными, другими детьми и всем народом» [1, с. 305]. И далее он отмечал, что «поле в начале жизни слабо, и если ребенка поместить в иную этническую среду, то перестроится именно оно, а не темперамент, способности и возможности. Это будет воспринято как смена этнической принадлежности, в детстве происходящая относительно безболезненно» [1, с. 304].

Описанное автором этническое поле рассматривалось им как этническая близость или, наоборот, чуждость. Благодаря наличию такого поля, «не рассыпаются на части этносы, разорванные исторической судьбой и подвергшиеся

воздействию разных культур» [1, с. 304]. Новый этногенез, согласно Гумилеву, всегда формирует определенный ритм этнического поля. Ученый рассматривает пассионарный толчок как взрыв, нарушение существующего ритма, что и побуждает систему перестраиваться заново. Характер нового поля, считал он, зависит от многих факторов: от силы толчка (мутации), ландшафтных условий региона, генетического кода входящих в него популяций, уровня социального развития, устойчивости культурных традиций, этнического окружения — либо резко враждебного, либо инертного. Ученый полагал, что описанное им этническое поле не менее реально, чем другие, известные на сегодняшний день науке поля (электромагнитное, гравитационное и др.) и сходно с ними наличием колебательных движений — важным условием, основой их существования.

С помощью гипотезы этнического поля автор концепции объяснял некоторые экстремальные явления этнических взаимодействий, именованных им «этническими химерами», возникшими в результате несовместимого сочетания различных ритмов этнических полей. Такое явление описывалось не как простое взаимодействие независимых этносов, а как случай реального навязывания воли одного народа другому.

Для нашего исследования важна мысль Гумилева об органичном взаимодействии этноса с родным ему ландшафтом и о деструктивном — при вторжении его в незнакомую местность. Последнее получило выражение в идее химерных этносов, появляющихся, когда к власти приходят иноземцы. Как полагал ученый, там, где вместо мирного сосуществования с соседями и поддержания своей традиции, этносы, принадлежащие к разным суперэтническим системам, претендуют на лидерство и вторгаются своей деятельностью в жизнь другого этноса, происходит наложение и нарушение ритма этнического поля у одного и другого этноса. Таким образом, порождается антисистема или «этническая химера». По словам самого ученого: «Там, где сталкиваются два и более суперэтноса, множатся бедствия и нарушается логика творческих процессов» [1, с. 313].

Когда вследствие пассионарного толчка возникает суперэтническая система, она очень тесно связана с природой своего региона — с его ландшафтом, климатом, животным и растительным миром. Все подсистемы суперэтноса — этносы и субэтносы — в данном природном комплексе обретают каждый свою экологическую нишу, что позволяет снизить до минимума борьбу за существование. Если в эту суперсистему вторгается чуждая этническая целостность, последняя не находит свободной экологической ниши и вынуждена жить не за счет ландшафта, а за счет других этносов, населяющих данную территорию. Так, по представлениям Гумилева, возникает не просто соседство и не симбиоз (как у животных), а «химера», то есть сочетание в одной целостности двух разных несовместимых систем [1, с. 315]. Чужой этнос при этом «эксплуатирует» (наряду с животными, растениями, природными ресурсами, ценными минералами) и коренное население ландшафта.

Результатом жизнедеятельности антисистемы, как правило, является исчезновение в составляющих ее этносах «жизнеутверждающего мироощущения, которое, видимо, сопутствовало процессам творческого этногенеза» [7, с. 340]. «Химера» — не закономерное явление природы и не способна к развитию. Не развиваясь как система, она существует, пока есть избыток энергии, образо-

вавшейся за счет разницы в пассионарном напряжении создавших ее этносов [7, с. 341].

Факты из истории взаимодействия этносов с природой, приводившиеся Гумилевым, заставляют задуматься над целесообразностью привлечения иностранных специалистов к решению внутренних природоохранных проблем государства. Казалось бы, самые прогрессивные современные методы эксплуатации природы, привносимые извне без скрупулезного учета местных особенностей, могут принести этой же местности непоправимый урон. В настоящее время в этом плане остро стоит проблема Байкала — уникальнейшего ландшафта планеты. Знать опыт и использовать новейшие технологии других стран для сохранения озера, конечно, необходимо, но внедрить их, не причинив вреда, обнаруживаемого лишь в перспективе, смогут только местные байкальские ученые, знающие Байкал, свой край, его особенности, потребности, характер и поведение.

Таким образом, как было показано, Гумилев пытался объяснить изменения экологической ситуации с помощью гипотезы «этнического поля». Согласно его гипотезе, ритм поля этноса, вторгающегося в чуждый ему ландшафт, при попытке обосноваться в нем «не попадает в унисон» с природным ритмом. У такого этноса-чужака в этом случае отсутствует чувство понимания, ощущение новой природы. Все это порождает экологически разрушительные последствия «привнесенной» этнической деятельности. Но и «родной» этнос может тоже разрушать свой ландшафт, когда «болен», то есть когда, образно говоря, этнос «меняет душу» — стереотип поведения и общественный императив [7, с. 393]. Указанное происходит в результате скачков и падения пассионарного напряжения, приводящих к смене возрастных фаз этногенеза, этнических доминант и стереотипов. По мнению Гумилева, в такие моменты — перехода от одной фазы этногенеза в другую — обычно происходит какая-то ломка этнического поля, в результате чего отмечается диссонанс с природным полем и конфликт с ландшафтом.

Попытаемся проследить рассуждения Гумилева о том, как влияют на природу разные этносы в различных фазах своего развития. Известно, что ученый в течение многих лет проводил систематические исследования огромного исторического и этногеографического материала о жизни и взаимодействии этносов, племен и народностей, населяющих различные регионы ойкумены. Это позволило ему прийти к следующему выводу: «Изменение природы — не результат постоянного воздействия на нее народов, а следствие кратковременных состояний в развитии самих народов, то есть процессов творческих, тех же самых, которые являются стимулом этногенеза» [1, с. 209]. Подобные «кратковременные состояния этносов» и есть периоды перехода этноса от одного этапа в своем развитии к другому, начиная от зарождения и до смерти.

Если обобщить все наблюдения, проведенные ученым, можно представить их в виде системы отношений этносов к природным (то есть ландшафтным) условиям. Сначала (в фазе подъема) появившийся на свет новый этнос преобразует ландшафт при помощи нового способа адаптации к природным условиям [1, с. 211]. Этнос приспособливает «вмещающий ландшафт» к своим потребностям и одновременно сам приспособливается к условиям ландшафта, природа при этом практически не страдает.

В акматической фазе (по-гречески «акме» — высший) этническая система оказывается переполненной пассионарной энергией, этнос становится предельно

активным, в результате чего наступает период завоеваний и миграций. Многие этносы «сходят со сцены», превращаясь в объект завоеваний соседей. В итоге в большинстве случаев «нажим» цивилизации на природу сокращается. А поскольку с этими бурными периодами этногенеза часто связан отрицательный прирост населения, то и хозяйство приходит в упадок, вследствие чего идет восстановление природных ландшафтов: лесов, степей, болот, а также численности диких животных. В то же время этносы, захватываемые пассионариями, испытывают большие трудности и лишения. Жертвами завоеваний становятся, как правило, те этносы, в которых уровень пассионарного напряжения низок, что мешает им организовать эффективную оборону. Поэтому все богатства завоеванных стран, включая природные ресурсы, становятся добычей более активных этносов.

И автор концепции привел множество примеров, показывающих хищническое отношение человека к природе во время завоевательных походов пассионарных этносов [1, с. 416]. К ним, в частности, относятся, так называемые «золотые флоты» испанцев, перевозившие золото Мексики в Перу, серебряные рудники в Боливии, ставшие могилой огромного числа индейцев, почти полное истребление бобров во время «меховых компаний» в Канаде, истребление носорогов в Китае, слонов в Восточной Африке и т. д. Эти и другие примеры убедительно доказывают, что неразумное отношение человека к природе и ее ресурсам (не только в настоящее время, но и на более ранних этапах развития человеческого общества) становилось главной причиной гибели природы и некоторых этносов.

Несмотря на всю жестокость пассионарных завоевателей, по мнению Гумилева, «вред природе они причиняли весьма ограниченный». Он аргументировал это положение тем, что после подобных победоносных походов оставались восстановимые биоценозы, а племена индейцев, негров, полинезийцев не были истреблены. Наибольший же вред окружающей среде, по его убеждению, причиняется в фазе инерции, когда происходит спад пассионарности этнической системы, совпадающий с интенсивным накоплением материальных и культурных ценностей. Иначе: человек стал брать у природы все, что считал нужным, наивно думая о ее неисчерпаемости. Говоря об инерционной фазе (ученый назвал ее «золотой осенью цивилизации»), Гумилев писал: «В этой фазе риска уже нет, так как необходимые победы одержаны, и начинается расправа над беззащитными. Но нет ничего беззащитнее биосферы» [1, с. 423]. И действительно, история знает много примеров, когда в подобные периоды урожаи на полях становились все более огромными, промышленность развивалась и приносила колоссальные прибыли, но одновременно с гигантским ростом производства гибла природа, реки превращались в сточные каналы из ядовитых химикатов, окрестности городов и сел засорялись промышленными и бытовыми отходами. Такое безответственное отношение к природе связано, считал Гумилев, с падением уровня пассионарности в этносе.

Таким образом, ученый сумел уловить связь между фазами развития и взаимодействия, в которых находится этнос и природа, окружающая его. «Именно динамика описанной взаимосвязи, — считал он, — предмет этнологии, науки о месте человека в биосфере» [1, с. 245]. При сопоставлении с историей человечества Гумилевым была установлена достаточно четкая взаимосвязь между антропогенными изменениями природы (творческими или хищническими) и эпохами

этногенеза — становления новых этносов, а также этническими миграциями. При этом стадия общественного развития, утверждал ученый, не играет существенной роли. Решает этнический, а не социальный фактор.

Итак, действие географического фактора на всех этапах этногенеза, по Гумилеву, выражает постоянное противоречие общества с природой. Взаимодействие между ними всегда имеет противоречивый характер. Но острота этого противоречия никогда не бывает одинаковой на разных этапах развития этноса. Во время фазы пассионарного подъема общество как бы «вписывалось» в природу, и географический фактор влиял на биосоциальное развитие людей через разнообразие жизненных условий, приспособление этноса к ландшафтам. Противоречие между этносом и природой в тот период было очень слабым, но все же было. Например, некоторые этносы иногда были вынуждены менять свое место жительства, так как исчерпывались потребляемые ими биологические ресурсы или их становилось недостаточно для выросшего по численности этноса. Происходила полная или частичная миграция в результате действия «бумеранга природы». В дальнейшем по мере уменьшения активности этноса за счет падения пассионарности, эксплуатация природы, как правило, усиливалась.

В заключении отметим, что безнравственное отношение к природе ученый, исходя из своей концепции, стремился последовательно связывать со снижением уровня пассионарности этнической системы. Он придавал этому значение важнейшего объективного закона. Так, при повышении пассионарности этноса характерной чертой поведения людей является требовательность людей к себе, к членам своего этноса, к соседним народам, а также уважительное отношение к природе. При снижении пассионарности — наоборот, пренебрежительное отношение к людям переносится затем неизбежно на ландшафты. После пассионарного толчка происходит процесс микромутации, то есть восстановление равновесия, нарушенного толчком. Другими словами, уровень пассионарности, возросший до максимума в период зарождения этноса, постепенно снижается. Данный процесс отражается как на людях этноса, так и на природе. В соответствии с уровнем пассионарности фазы этногенеза плавно переходят одна в другую.

Таков механизм этногенеза, который, по утверждению Гумилева, есть «природный процесс». Именно через этнические коллективы осуществляется связь человечества с природой, ибо «сам этнос — явление природы» [1, с. 174].

Литература

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. 528 с.
2. Гумилев Л. Н. Этносфера и космос / Л. Н. Гумилев // Конец и вновь начало. Москва, 1997. 544 с.
3. Козлов В. И. Этнография и география / В. И. Козлов, В. В. Покшишевский // Советская этнография. 1973. № 1.
4. Этническая экология: теория и практика. Москва, 1991. 136 с.
5. Матюшин Г. Н. У истоков человечества / Г. Н. Матюшин. Москва, 1982. С. 53, 73–74.
6. Поршнев Ф. Б. Социальная психология и история / Ф. Б. Поршнев. Москва, 1986. С. 97–101.
7. Гумилев Л. Н. Отрицательные значения в этногенезе / Л. Н. Гумилев // Этносфера. История людей и история природы. Москва, 1993. С. 340.

-
8. Широкогоров С. М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С. М. Широкогоров. Шанхай, 1923. 188 с.
 9. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало / Л. Н. Гумилев. Москва, 1997. 544 с.
 10. Гумилев Л. Н. От Руси к России / Л. Н. Гумилев. Москва, 1997. 335 с.

TOWARDS THE ROLE OF THE NATURAL FACTOR
IN THE PROCESS OF ETHNOGENESIS

Natalya G. Lagoyda

Cand. Sci. (Philos.), A/Prof.,

Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: aspdep08@mail.ru

The article analyzes the interdependence of ethnoses and nature, the influence of natural environment and space environment on ethnogenesis based on the social and philosophical concept of ethnogenesis, developed by L. N. Gumilev. We have analyzed the thesis that ethnoses are come up and developed not only under the influence of terrestrial factors, but also under the influence of cosmic energy. The concept proposes to use the methods of modern scientific geography to study the local features of anthropogenic biocenoses, micromutations that change the behavior of a person, and successions associated with migration processes. We have studied the connection between the phases of development and interaction of the ethnos and the surrounding. Immoral attitude to nature is consistently associated with a decrease in the level of passionarity of the ethnic system. *Keywords:* ethnos; natural landscape; space environment; natural environment, ethnogenesis; phases of ethnogenesis; passionarity; passionary impetus; biosphere; geography.